

Гайдар Аркадий Петрович

Ночь в карауле

Аркадий ГАЙДАР
НОЧЬ В КАРАУЛЕ
Рассказ

В караульном помещении тихо. Красноармейцы очередной смены, рассевшись вокруг стола, разговаривают так, чтобы не мешать отдыху только что сменившихся товарищей. Но разговор не клеится, ибо мерное тиканье маятника нагоняет сон, и глаза против воли слипаются.

Хлопнула дверь, вошел окутанный ветром разводящий и сказал, отряхиваясь от капель дождя:

- Ну и погодка! Темень, буря, тут к тебе на три шага подходи, и то не учуешь. Сейчас часовому собачий слух да кошачьи глаза нужны. Сейчас только берегись.

- А чего беречься-то! - лениво спросил Петька Сумин, протирая кулаком посоловелые глаза. - Чай, теперь не война. Возьмем, к примеру, наш склад. Отряд на него никакой не нападет, потому что неоткуда, а одному либо двоим за сутки замки не сломать. По-моему, так часовой там не нужен. Наняли бы сторожа, и нехай дует для устрашения в колотушку.

- Ну, этого ты не скажи, - ответил, усаживаясь на лавку, разводящий.

- А знаешь ты случай про часового Мекешина?.. Нет, не слышал про этого часового? Ну, тогда и помалкивай. Рассказать, говоришь? Ладно, расскажу. Да гляди веселей, ребята, небось, на селе ночь прокрутится вам нипочем, а в карауле слабо, что ли? Чего носами-то засопели? Ну, слушай, да не мешай...

Было это в прошлом году. Назначили наш взвод в караул при химическом заводе, а завод на самом краю города, возле Шаболовских оврагов. Ну ладно. Сменили мы старый караул в семь часов. Мекешину заступать было в третью смену с одиннадцати. Пошел. А посты далеко находились, как раз у края оврага.

Принял он посты честь по чести: печать целая, подозрительного ничего замечено не было. Ушел разводящий, ушел прежний часовой, и остался Мекешин один. А ночь тогда хуже сегодняшней была - темная, беспокойная. В эту ночь человек - как слепой котенок.

Стоит Мекешин час. Промок, потому дождь косой, так под гриб и захлестывает. Замерз... Курить охота - ну, конечно, не такой Мекешин человек был, чтобы на посту закурить, терпит. Мало того, что терпит, то руку к уху приложит, то голову наклонит - слушает. А казалось, чего тут услышишь? Кусты ветками хрустят, капли по лужам булькают. Только вдруг почудилось Мекешину, будто кашлянул кто-то неподалеку.

Насторожился он, вышел из-под гриба и прошелся вдоль стены - ничего. Постоял, опять послушал. Что за черт! Скребет кто-то, как крот, а где - не видно. Хотел окликнуть да думает, чего кричать без толку, когда никого не видно! Только спугнешь, если и есть кто. Пойти самому посмотреть к оврагу - опять же, пост нельзя оставить. Вернулся он обратно под гриб и дернул рукоятку звонка, чтобы вызвать на всякий случай разводящего. Ожидает минуту, другую - не идет никто.

Встревожился Мекешин не на шутку, дергает звонок что есть силы и того не знает, что перерезала чья-то черная рука проволоку и не слышать в карауле его вызова. Выскочил он, только хотел тревогу поднять, как из темноты кто-то кирпичом ему в голову сзади хватил. Упал Мекешин и думает: "Успеть бы только тревогу поднять!"

Рванул предохранитель и бахнул из винтовки. Но тотчас же откуда-то сбоку огонь сверкнул, и почувствовал Мекешин, что обожгло ему плечо. Уронил он голову наземь и, собравшись с последними силами, грохнул еще раз. Слышит - топот сзади, крики. "Ну, - думает, - ничего, свои подоспели". Приник он тогда головой к луже, в которой крови было больше, чем воды, и только успел прохрипеть подбежавшему карначу: "Смену давайте... смену..." И замолчал.

На другой день умер. Хоронили его, как героя, погибшего на посту. Дознались, что под склад завода из оврага подкоп делали, и прогляди Мекешин - взорвали бы все на воздух.

А когда гроб его опускали в могилу, то все знамена опустились низко, до самой травы, и в небо ударил такой огневой залп, что от такого залпа холодно кому-то, должно быть, стало.

Над могилой его теперь камень... Будет воскресный день - сходите по увольнительной. Там, в самом углу ограды, камень большой, серый, и на нем красный орден высечен. Только орден и его имя, а больше ничего. Да и зачем? Кто ни подойдет, кто ни посмотрит, каждый и так поймет...

Да, ребята, так-то... Ну, слышали теперь? Намотайте себе на ухо, а теперь, ну-ка, быстрее подымайся. Эй, очередные, вставай! Время ребят сменять.

1927